

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ
THE PROBLEM OF DEVELOPMENT

Умное тело
или
проблема формирования человеческой
телесности в ситуации жизненного аутсорсинга.
Часть 2.

С.А. Смирнов*,

Новосибирский государственный университет экономики и управления (ФГБОУ НГУЭУ),
Новосибирск, Россия,
smirnoff1955@yandex.ru

Статья является продолжением предыдущей работы, посвященной проблематике формирования культурного неорганического тела личности. Автор продолжает рассматривать данную проблематику на материале работ Э.В. Ильенкова, в стыке с работами Б. Спинозы и Л.С. Выготского. И далее автор рассматривает продолжение развития личностной проблематики в культурно-исторической концепции на материале работ Д.Б. Эльконина и Б.Д. Эльконина, вводящих такие базовые для понимания процессов личностного строительства концепты, как «посредническое действие», «событие действия». В завершение автор рассматривает конкретный феномен культурного развития и культурной телесности на примере практики тифлосурдопедагогики. Автор делает акцент на том, что опыт работы со слепоглухонемыми детьми показывает яркий пример правоты культурно-исторической концепции, направленной на орудийно-деятельностный характер формирования личностной структуры человека, которую можно описывать в категориях умной телесности. Без такой практики освоения и овладения собственным поведением человек становится функциональным инвалидом. В этой связи практика культурного развития рассматривается автором как антропологическая альтернатива тренду аутсорсинга, который воплощается в отказе человека от своих базовых культурных функций и практик. Тем самым эта альтернатива выступает в качестве ответа на вызов все возрастающей культурной, функциональной, личностной инвалидизации человека.

Ключевые слова: умное тело, телесность, неорганическое тело, личность, функциональный орган, жизненный аутсорсинг.

Введение

В предыдущей статье мы рассмотрели проблему изменения тела личности в контексте современного тренда, получившего название жизненного аутсорсинга [15; 16].

Мы показали, что в связи с функциональным перераспределением, которое происходит в интерфейсе между человеком и машиной, и с тем, что человек все больше функций отдает техническим устройствам, проблема построения тела личности становится все более острой с точки зрения культурного развития че-

Для цитаты:

Смирнов С.А. Умное тело или проблема формирования человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Часть 2 // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 100–112. doi:10.17759/chp.2016120410

* *Смирнов Сергей Алевтинович*, доктор философских наук, заведующий лабораторией стратегических и форсайтных исследований и разработок, Новосибирский государственный университет экономики и управления (ФГБОУ НГУЭУ), Новосибирск, Россия. E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

ловека как существа, совершающего предметные действия по формированию своей личности, имеющей свою форму и структуру, свою особую телесность.

На примере положений работ Л.С. Выготского мы показали, что онтологически ситуация не только не изменилась, но стала еще более острой, а положения культурно-исторической антропологии оказались еще более актуальными и своевременными.

Неорганическое тело личности. Э.В. Ильенков

На фоне репрессивной науки и философии проблема тела и телесности как проблема именно философии человека, а не его физиологии и анатомии, почти не обсуждалась в отечественной мысли. М.М. Бахтин после ссылки в Кустанай обсуждал только тему гротескного тела в романе Ф. Рабле и тематику «Философии поступка» зашифровал, уйдя в мысленную эмиграцию. Рукописи П.А. Флоренского, посвященные органопроекции, лежали и ждали своего часа. Работы Л.С. Выготского по дефектологии и тифлосурдопедагогике также лежали в рукописях в архиве семьи¹.

Новое, послевоенное поколение молодых авторов могло обратиться лишь к официально разрешенным авторам-классикам, изданным с купюрами. Один их таковых, Э.В. Ильенков, фактически единственный продолжал прорабатывать тему неорганического тела человека, отталкиваясь от ранних работ К. Маркса.

Э.В. Ильенкова интересовал (равно как и Л.С. Выготского) коммунистический мировоззренческий идеал *совершенного человека* и проблема его формовки, лепки, чеканки.

В сущности, Э.В. Ильенков продолжал линию Л.С. Выготского и отстаивал давно понятную и озвученную позицию, согласно которой человеческая психика формируется в предметной деятельности, в которой задействован весь телесный совокупный орган-функция — рука, мозг, предмет. И собственно телом, человеческим телом, является тело деятельности, неорганическое тело человека.

Здесь Э.В. Ильенков отталкивался от базовых идей К. Маркса, который в рукописях 1844 г., используя натурфилософскую терминологию Л. Фейербаха, обсуждает проблему отчуждения человека и проблему снятия отчуждения, проблему сугубо антропологическую — в чем состоит онтологическая идентичность человека как существа, отличного от других живых существ и в чем состоит его освобождение от природных стихийных сил. К. Маркс фиксирует границы и пространство человеческого неорганического тела, вводя эту терминологию, вокруг которой далее Э.В. Ильенков будет строить всю свою философию личности в цикле работ [9].

К. Маркс пишет: «Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что че-

ловек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера его неорганической природы, которой он живет. Подобно тому, как в теоретическом отношении растения, животные, камни, воздух, свет и т. д. являются частью человеческого сознания, отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства, являются его духовной неорганической природой, духовной пищей, которую он предварительно должен приготовить, чтобы ее можно было вкусить и переварить, — так и в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности. Физически человек живет только этими продуктами природы, будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т. д. Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а, во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело» [11, с. 92].

Для К. Маркса было важно показать, что производственная предметная деятельность человека и есть его родовая сущность, его природа. Посредством деятельности человек становится самим собой, собственно человеком. Посредством деятельности человек включает и природу в свое собственное пространство, в том числе и пространство телесное, формируя уже собственно свое человеческое неорганическое тело. В рамках деятельности происходит преобразование и природы, и самого себя как исходно природного существа. К. Маркс указывает: «... именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его производением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире. Поэтому отчужденный труд, отнимая у человека предмет его производства, тем самым отнимает у него его *родовую жизнь*, его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животным, превращает для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу» [11, с. 94]. Все работы, посвященные проблематике личности у Э.В. Ильенкова, суть комментарии к этим базовым положениям К. Маркса.

Коль скоро люди составляют совокупность (ансамбль) общественных отношений, в которую вступают в процессе предметной деятельности, то этот ансамбль и образует это коллективное тело, создан-

¹ Многие работы Выготского, в том числе «Орудие и знак в развитии ребенка», вышли лишь в его Собрании сочинений в 80-х гг. [3].

ное, слепленное не природой, а трудом людей, преобразующих эту природу и самих себя как природных существ, формующих своё собственное неорганическое тело [9, с. 393].

Далее Э.В. Ильенков переходит к идее и проблематике личности: «тело» человека, выступающего как личность, — это его неорганическое тело вместе с его искусственными органами, которые он создает из вещества внешней природы, «удлиняя» и многократно усиливая естественные органы своего тела и тем самым усложняя и многообразя свои взаимные отношения с другими индивидами, свою «сущность». «Личность, — пишет Э.В. Ильенков, — и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему «другому» — отношений «Я» к самому себе как к некоторому «Не-Я». Поэтому «телом» ее является не отдельное тело особи вида «*homo sapiens*», а, по меньшей мере, два таких тела — «Я» и «Ты», объединенных как бы в одно тело социально человеческими узами, отношениями, взаимоотношениями» [9, с. 393]².

В принципе, это и есть базовая идея Э.В. Ильенкова, которую он в разных версиях и вариациях пересказывает в разных работах и на множестве страниц: личность есть неорганическое деятельностное тело человека, формируемое им как коллективный исторический субъект в процессе предметной деятельности. Собственно, далее концепт не был развит и построен как конструкт.

Идею неорганического тела Э.В. Ильенков увязывал с идеей мыслящего тела Б. Спинозы. Кто мыслит? Мыслит не отдельный орган. Не мозг человека. Мыслит субстанция, понимаемая как это неорганическое тело. Мыслит целостное неорганическое тело людей: «Мышление — не что иное, как способ активного действия протяженного тела человека, живущего среди других протяженных тел и взаимодействующего с ними» [9, с. 105]. И тут Э.В. Ильенков, несколько увлекшись и приписав Спинозе некий марксизм, приписал ему и идею «мыслящего тела». По его логике, Спиноза «... связывает феномен мышления вообще с реальной деятельностью мыслящего тела (а не с понятием бестелесной души) и в этом мыслящем теле предполагает активность — и опять-таки вполне телесную» [9, с. 108–109]. Э.В. Ильенков увязал проблему свободы воли, по Спинозе, и феномен мыслящего тела через действие: свобода есть «... акт постоянно длящегося освобождения из плена ближайших внешних обстоятельств, как деятельность мыслящего тела в мире вещей, тел» [9, с. 109].

Необходимо, конечно, оговориться. У Б. Спинозы понятия мыслящего тела не было. Здесь идет обыгрывание Ильенковым спора Б. Спинозы и Р. Декарта, у которого есть понятие «мыслящей вещи» (*res cogitans*). Но что есть вещь мыслящая? По Р. Декарту, — это Я, мыслящий, совершающий медитации. «Я», ставящий вопросы, так размышляющий, у Р. Декарта и есть вещь мыслящая. И только она (т. е.

автор, субъект мысли) очевидным образом и существует, поскольку мыслит.

Если вспомнить латинский этимон понятия *res*, то это — вещь, предмет, мир, природа, факт, действительное положение вещей, действительность, суть, содержание, дело, действие, деяние, событие, случай. Согласно этимону, если говорить о мыслящем теле, то это шаг дальше в сторону укоренения и заземления того, что происходит в действии с мыслящей вещью. Я, вещь мыслящая, совершая акт мышления, так и существую через этот акт мышления. И посредством акта мышления я, вещь мыслящая, оседаю в мыслящем теле. Понятно, что речь идет не о вещи и вещиности, а о событии и действии, т. е. о вещах сугубо не вещественных, но предметных. «Вот такое положение вещей» — привыкли мы говорить. Тем самым мы говорим о существе, о положении дел, о правде, о том, что реально происходит. Мыслящее тело — то, которое реально складывается в актах и складках мысли, совершаемых вещью мыслящей — субъектом мысли.

Э.В. Ильенков не сильно преувеличил, приписав Б. Спинозе понятие мыслящего тела, которого у того вообще-то не было, и здесь современный автор Майданский прав [10]. Э.В. Ильенков превратил мыслящую вещь в мыслящее тело, хотя мыслит не тело, а субъект. Но Э.В. Ильенков говорил не о натуральном теле, он говорил о неорганическом деятельностном теле. У Б. Спинозы же в «Этике» так и говорится: «Под идеей я разумею понятие, образуемое душой в силу того, что она есть вещь мыслящая (*res cogitans*)» [20, с. 630]. В другом месте у Б. Спинозы говорится и другое: «Мышление составляет атрибут Бога, иными словами, Бог есть вещь мыслящая (*res cogitans*)» [20, с. 632]. Это означает, как объясняет сам Б. Спиноза, что Бог обладает атрибутами, выражающими его сущность. К такому атрибуту относятся и мышление. А душа через акты мышления становится модулем Бога.

Ильенков же ищет, в отличие от Б. Спинозы, не Бога, а материалистическую (т. е. деятельностную) субстанцию, основу, фундамент для объяснения природы духовных вещей — мышления, свободы. И находит ее у Б. Спинозы, в отличие от И.Г. Фихте, который вроде тоже вводит принцип деятельности, но как принцип деятельности Духа, идеального Я, Абсолютного Субъекта.

Б. Спиноза, как его понял Э.В. Ильенков, выводил проблему свободы воли из предметного мира деятельности, т. е. из неорганического тела, а Фихте — из самосознания Я: «... в мыслящем теле Спиноза предполагает способность строить свое движение во внешнем пространстве сообразно “форме и расположению” вещей вне этого тела, а не сообразно форме и расположению частей собственного организма...» [9, с. 113]. А Фихте, полагает Ильенков, хочет вывести все многообразие внешнего предметного мира из Духа. Поэтому Фихте становится у Ильенкова «перевернутым Спинозой» [9, с. 112–113].

² Здесь слышится голос Л. Фейербаха.

В своих набросках о свободе воли, где Ильенков сравнивает подходы Фихте и Спинозы, в итоге он фиксирует: «...дальше развернуть вопрос о том, как расшифровывается (конкретизируется) в марксизме понятие “мыслящего тела” (краеугольного камня системы Спинозы). — Человек не как индивид, и не как то, что одинаково общо каждому индивиду, не nemá “общность рода”, а как конкретно-исторически развившаяся совокупность всех общественных отношений, как их полный ансамбль. — Притом отношений “опосредованных” вещами, созданными человеком для человека. — Мозг как функциональный орган управления этим телом человека. — И тот же мозг как орган управления органическим его телом» [9, с. 115].

Ильенкову было важно вывести феномен мышления и личности за пределы тела индивида как особи. Личность формируется и живет не внутри тела особи, а внутри неорганического тела деятельности человека как общественно-деятельностного существа. По этому поводу он спорил с вульгарными материалистами, пытаясь доказать, что обсуждать надо не то, что внутри мозга, и доказывать, что без мозга мыслительная деятельность невозможна, а то, что такое природа мышления, что есть процесс мышления.

Но далее Ильенков увлекается и, пытаясь указать на материалистичность своей позиции, настаивает на том, что личность — «...не теоретическая отвлеченность, а вполне “вещественно осязаемая реальность”, это “телесная организация” того коллективного тела (“ансамбля социальных отношений”), частичкой и “органом” которого и выступает каждый отдельный человеческий индивид» [9, с. 394].

И, по Марксу, утверждает Ильенков, личность понимается «...вполне материалистически, вполне вещественно-телесно, — как реальная телесно-вещественная совокупность вещественно-телесных отношений, связующих данного индивида с любым другим таким же индивидом культурно-историческими и естественно-природными узлами» [9, с. 395].

В общем, мы видим игру слов и даже редукцию — сведение материалистической природы к вещественно-телесной, характеристику личности как сугубо даже телесно-вещественную организацию, но тут же — организацию коллективного тела и т. д.

Ища союзников, Ильенков обратился не только к Марксу, но и к Спинозе. У последнего мыслящее тело, полагал Ильенков, — это «природа в целом, ... она же «субстанция», она же — «Бог» [8, с. 42].

И в этой позиции Ильенков почти отождествляет Маркса и Спинозу, но на уровне метафоры: мыслящее тело есть тело предметной деятельности, т. е. деятельностное тело субъекта действия [8, с. 38]. И это мыслящее тело, человек, строит свое движение по форме любого другого тела. Эта способность мыслящего тела строить свое собственное действие по фор-

ме любого другого тела отличает, согласно Спинозе, как считает Ильенков, мыслящее тело от других тел, т. е. показывает собственно сам акт мышления, феномен мышления. А телесность мышления, продолжим Ильенкова, есть телесность, т. е. *структурность, организованность, предметность* действия, которое продельвает субъект действия, но как общественное существо, связанное с другими общественными существами социальными связями.

Чтобы как-то дополнить этот круговорот метафор и как-то попытаться выйти из этого круга, приведем пример из практики самого Ильенкова. Он свои теоретические поиски сочетал с вполне предметной практикой — работой со слепоглухонемыми детьми в интернате в Загорске у Мещерякова.

Сравнивая позиции Спинозы и Фихте, Ильенков сделал отсылку на реальный случай — «Юля Виноградова и овраг» [9, с. 451]. Слепеглухая Юля однажды гуляла вдоль оврага. Вернувшись с прогулки, она воспроизвела в пластилине форму, повторяющую очертание этого оврага. Своим телом пройдя вдоль оврага, она его запомнила и затем по памяти его построила в пластилине³. Этот случай, говорит Ильенков, спинозист и фихтеанец описывают по-разному. Спиноза объяснил бы этот феномен с точки зрения предметного действия. Юля воспроизвела форму оврага своим телом, своим движением пройдя вдоль него и потом посредством пластилина повторила это движение своего тела. Причем использовала естественно здесь свои руки. Руками, пальцами она воспроизвела в пластилине форму оврага. Классический пример действия мыслящего тела по форме другого тела. И эта форма действия мысли опосредована формой оврага. Вполне понятное материалистическое объяснение. Но от этого сам случай не перестает быть удивительным.

А Фихте этот феномен объяснил бы тем, что форма и контур действия определяются не оврагом, а формой, контуром моего действия, действия моего сознания, моего Я.

Но существо проблемы не в том, чтобы спорить и выбирать позицию Фихте или Спинозы. Существо проблемы в том, чтобы понять устройство самой духовной практики построения вот этого духовно-предметного тела личности, которое пестуется посредством работы пальцев, памяти, всего целого тела. Вот здесь ни Спиноза, ни Фихте, ни Ильенков ничего пока не сказали. Что есть практика, лепка новой телесности, которая, разумеется, не сводится к натуральной телесности? Что есть практика выделки личностных начал-органов, на которые пальцем не показать, но они имеют, безусловно, свое предметное основание и свою природу?

Зачем было нужно Ильенкову так активно и часто прибегать к этой идее мыслящего тела, неорганическо-

³ Был не менее сложный пример. Слепеглухой ученик А.И. Мещерякова Юрий Лернер, когда умер их учитель, вылепил его скульптурный бюст из глины, ни разу не видя живого учителя. Не видя учителя, ученик вылепил его портрет в объемной форме. Также Лернер занимался созданием наглядных натуральных пособий для незрячих — горельефов, барельефов, как раз для того, чтобы незрячие могли «читать» руками и представлять формы.

го тела личности, когда достаточно было подчеркнуть предметно-деятельностный характер становления и формирования человека как субъекта, как сознательного существа, строящего и формирующего себя? Нельзя ли было обойтись понятиями субъект, деятельность, предметная деятельность, культурно-историческая деятельность и не прибегать к проблематике тела и телесности, которая у того же Маркса оставалась сугубо наследием терминологии Фейербаха?

Думаю, для того, чтобы показать предметность, конкретность, приземленность характера и природы формирования человеческой психики. Стремясь показать рукотворность этой психики и видя, как это происходит у слепоглухонемых детей, Ильенков и прибегал постоянно к метафоре мыслящего тела.

На проблематике тела и телесности споткнулись вульгарные марксисты, сведя тело к эмпирическому телу индивида, а ансамбль общественных отношений метафорически назвали неорганическим телом личности, идя вслед за Марксом. Они осваивали наследие Маркса частями, взяв сначала сугубо материалистический пафос, за которым далее стояла и Логика Гегеля, и Антропология Фейербаха. Но далее они оказались в онтологическом и мыслительном тупике, поскольку собственно онтологический горизонт был утерян, потому что бытие человека было взято в редуцированном вещном виде.

Но тем самым они ушли от понятия духовной практики и построения собственно феномена личности, отличающегося не физическим субстратом, а энергичной силой и структурой. А потому у Ильенкова тело и телесность остались метафорой, хотя и весьма плодотворной и на тот период исследований вполне пионерской на фоне марксистской идеологии.

Фактически уже в сфере практической работы со слепоглухими детьми в интернате в Загорске (его знаменитая четверка ребят⁴) Ильенков развивал идею становления и формирования неорганического тела, доказывая и показывая предметно-практически, как из «куска мяса» (как он сам говорил, споря с генетиками и физиологами) формируется личность.

Ильенков на примере работы со слепоглухими воспитанниками и показывал, что исходно психики у человека просто нет. Нет и душевного организма. Психику человеку необходимо буквально формировать, лепить, создавать. И буквально становиться органами этих воспитанников. *Взрослый становится сложно организованным органом слепоглухонемого ребенка.*

Ильенков вспоминает, как однажды у него спросили на одной из встреч: «А не опровергает ли ваш эксперимент старую истину материализма? («Ничего нет в разуме, чего не было бы в чувствах»). Ведь они ничего не видят и не слышат, а понимают все лучше нас...». Ильенков перевел своему воспитаннику А. Суворову на дактильном языке этот вопрос

и тот ответил: «А кто вам сказал, что мы ничего не видим и не слышим? Мы видим и слышим глазами и ушами всех наших друзей, всех людей, всего рода человеческого [9, с. 43].»

В деле работы со слепоглухонемыми проблема формовки культурного тела личности выступает в чистом и наглядном виде.

У слепоглухонемого от рождения в принципе нет никакой психики. У него нет даже ориентировочно-поискового движения. Любое животное ищет себе пищу. Слепоглухонемый ребенок и этого не умеет. Даже если рядом на полметра от его рта находится пища, ребенок не тянется к ней. Сама по себе потребность в пище не порождает потребность в поиске пищи. Ее приходится формировать: «Делается так: соску отводят от губ ребенка на миллиметр, и, если он это минимальное расстояние сумел преодолеть собственным движением, отводят на сантиметр. Постепенно расстояние увеличивается. Потом между ртом и соской ставится препятствие, которое ребенок вынужден обходить. И так до тех пор, пока в самой сложной лабиринтообразной ситуации он не научится находить, ориентируясь по запаху и осязанию, верный путь, строить траекторию движения, соотносящуюся с формой и расположением внешних тел. Тут-то и только тут, возникает у него адекватный образ, субъективная копия форм этих тел — вместе с образом пространства вообще. Если этого удалось добиться — психика возникла. Психика вообще» [9, с. 34].

Что получается? Вспомним Юлию Виноградову. Образ предмета у слепоглухонемого формируется посредством *прорисовки телом* в пространстве передвижения (поиска пищи по запаху) всей линии поиска. Линия, траектория поиска пищи и сама пища в конце пути формирует у ребенка *образ* искомой пищи! Я рисую образ предмета всем своим телом! И это принципиально. Иначе этот предмет в моем сознании не появится. Просто у нормального ребенка он формируется быстрее, в более свернутом виде, а у слепоглухонемого он формируется в некоем замедленном темпе, как при замедленной съемке. Кадр за кадром⁵.

Ильенков фактически на этих примерах продолжал доказывать и показывать, что опыт работы с такими детьми не нуждается в том, чтобы прибегать к идее чуда или к идее Бога. Ильенкову-марксисту достаточно идеи, что разум вначале существует вне индивида в виде деятельности и продуктов человеческого труда. Этот разум буквально овеществлен в конкретных предметах — соске, горшке, ложке, одеяле, одежде, умывальнике, осваивая которые шаг за шагом, в совместно-разделенной деятельности со взрослым, слепоглухонемый ребенок становится полноценным социализованным и развитым существом. А освоение этих предметов осуществляется посредством прикосновения, жеста, телесно-орудийного действия.

⁴ Воспитанники Э.В. Ильенкова в интернате: Александр Суворов, Юрий Лернер, Наталья Корнеева, Сергей Сироткин.

⁵ Эту метафору привел однажды А.Н. Леонтьев, говоря о формировании человеческой психики у слепоглухонемых детей: на их примере делаются зримыми, осязаемыми, и притом растянутыми во времени как бы с помощью замедленной киносъемки узловые события процесса формирования личности [9, с. 33].

Ильенков полагал, что как раз марксизм и дал объяснительный принцип Мещерякову. Без него феномен знаменитой Элен Келлер объяснялся как чудо, как результат ее гениальной одаренности. В то время как на самом деле Келлер всему научилась благодаря любви и терпению другой девочки — Анны Сулливан.

Событие предметного действия

Разговор о неорганическом (т. е. предметно-деятельностном) теле рискует быть сугубо фразеологическим, если не выходить на аналитику и выделение единицы предметной деятельности — предметного действия. Что есть предметное действие, как оно строится, совершается? Что оно такое есть, когда свершается? В чем событийность предметного действия? Что есть предметное действие как событие?

Эти вопросы в своих работах ставят отец и сын Эльконины, но с разными акцентами. Д.Б. Эльконин больше ставил вопрос о существовании предметности действия и показывал, что предметность не «написана на предмете», а разворачивается во взаимности действий ребенка и взрослого. А Б.Д. Эльконин больше пишет о событийности и переходности предметного действия. Осмысление и переосмысление феномена предметного действия помогает нам выйти за пределы сугубо идеологического спора Ильенкова со своими противниками, вульгарными материалистами, в область действительности предметного действия и в область предметной антропологии.

Д.Б. Эльконин в полемике с П.Я. Гальпериным, на материале наблюдений за собственным внуком, осмысляет опыт освоения ребенком предметного действия (действия с предметом), предполагающего как осмысление его (действия) орудийности, так и освоение его общественной функции.

Когда ребенок осваивает действие с ложкой? — спрашивает Д.Б. Эльконин. И отвечает словами П.Я. Гальперина: кажется, что ребенок сначала приспособляется к сугубо орудийной стороне ложки, соотносимой с его рукой (кистью) как удлинением, продолжением его руки. Ложка в руке ребенка первоначально еще не орудие, а замена его ручки, кисти, точнее ее продолжение. Ребенок действует ложкой как своим кулачком, держа ее не за ручку, а буквально за основу, почти за саму ложку.

В этом состоит кажущаяся «шимпанзеподобность» поведения ребенка этого возраста. Для приматов как раз характерно такое поведение — палка, орудие, используемое для доставания плода, воспринимается обезьяной как продление передних конечностей.

По этой аналогии пойдем далее. Человек, чтобы усилить свои ослабленные и больные органы, конструирует специальные орудия для их усиления. Мы надеваем очки для усиления зрения глаз. Делаем костыли, ходули для замены и удлинения ног. Письменная ручка становится предметом для письма на материале, на котором невозможно написать просто пальцем. Звуковой аппарат вставляем в уши для усиления слуха.

То есть технический прогресс у человека идет сугубо по линии усиления натурального органа и его последующей замены при наличии физического натурального вывиха, точнее ослабления функции органа. Тем самым родовое качество и отношение к человеку здесь формулируется как отношение к инвалиду. К своим ногам, рукам, ушам, глазам мы обязательно хотим приделать что-то техническое, что усилило бы наши сугубо физические, натурально-телесные функциональные возможности. Мы усиливаем тело, надевая на него панцирь техники, не замечая, что однажды этот панцирь начинает нас сжимать в своих объятиях.

Но мы при этом забываем, что тем самым мы атрофируем смысловое содержание предмета-орудия. Точнее, мы забываем, что это орудие передает нам другой, взрослый, ранее его освоивший и им орудующий.

Фокус в том, что оперирование ребенком ложкой как удлинением его кулачка суть лишь фактическая констатация исходной ситуации. Собственно, освоение предметного действия начинается тогда, когда осваивается не столько орудийная сторона ложки, сколько образец действия с ложкой. Ребенок не просто ест кашу ложкой-рукой, он смотрит, как это делает рядом находящийся взрослый. Ребенок включает предмет, ложку, в образец его правильного использования [31, с. 92].

Здесь главное — становление *совокупного действия* (я бы сказал — социального действия) через включение *образца предметного действия* в свое действие.

Орудие тем самым осваивается через освоение отношения со взрослым. Сначала — *смысл ситуации*, который задается общением взрослого и ребенка, а потом — *предмет ситуации*, собственно ложка и каша. Мало говорить о том, что человек хочет есть и ему надо овладеть предметом, с помощью которого он удовлетворяет свою физиологическую потребность. Здесь параллельно выстраивается *смысловая ситуация* отношения со взрослым, помогающим ребенку этим предметом овладеть. И этот смысл становится мотором, *движителем* предметного действия. Через смысловое поле, задаваемое общением со взрослым, происходит овладение предметным действием, внутри его — его орудийной составляющей, и посредством этого совершается и сам акт развития. Собственно, в этом весь пафос и смысл культурно-исторической антропологии, задающей и понимание того, что есть умное тело или собственно личность.

Но смысл — не орудие. Им не овладевают, его вырывают и осваивают. Это как в игре. Мнимая игровая ситуация, как писал тот же Выготский, выстраивается ребенком самим, и она, смысловая ситуация, важнее для него в игре, нежели собственно орудийное наполнение игры (набор игрушек). Тапок в игре становится кораблем. Вот это «становится» в игре важнее. Важен не тапок, а то, что тапок становится кораблем. В игре ребенок играет со смыслом, а потом с игрушкой как с предметом. И эта игра со смыслом задает ребенку, играющему, необходимую степень свободы, свободы от натурального поля, от натуральности, вещности, физичности. Не делает его рабом

вещи. Ребенок может всегда остановиться, отказаться от вещи-игрушки и взять другую, потому что играет он со смыслом. Тем самым смысловое наполнение ситуации взаимодействия с предметом и со взрослым в этот игровой период — важнее для ребенка.

А вот в ситуации присвоения и освоения человеком нужных предметов-орудий, усиливающих его натуральное тело, в ситуации аутсорсинга, о чем мы говорили выше, как раз наоборот происходит усиление зависимости от орудий. Человек перестает играть и оперировать со смыслом. Ему важен орудийный характер вещи, который усиливает его телесно-физически, но поработает его волю и мысль. И он становится придатком орудия.

Вернемся к ребенку. Б.Д. Эльконин продолжает и уточняет Д.Б. Эльконина. Совокупное действие в общении со взрослым и возникает как событие, в акте свершения и переживания в этом акте живого действия, опробуя его всей своей телесностью. И эта телесность — полная, она погружена в смысловое общение со взрослым. Здесь в живом смысловом действии телесность человека одухотворена. Испытывание, опробование событийности предметного действия происходит телесно-целостно, целиком, всем существом. И через это оно событийно. Событие действия есть тройственный переход: смысловой, телесный, ситуативный [32].

Человек утверждает себя, свое предметное действие телесностью, т. е. всей своей целостностью, включая и самочувствие, самоощущение, и всю органику, и этим утверждает и свою собственную телесность.

Через это утверждение телесности происходит и обратное воздействие на процесс освоения орудия. Получив подтверждение от взрослого, от видения образца и поддержки («так, так», «хорошо», «молодец»), переживая событийность своего действия, ребенок все более решителен и устремлен в освоении собственно орудийности предмета, его технической части.

Д.Б. Эльконин отмечал ранее: непосредственное приспособление к материальным свойствам предмета-орудия происходит только на основе включения их в образец действия, постепенно создаваемый ребенком. Ребенок ориентируется на образец действия не непосредственно, а посредством создания образа этого действия. В этом смысле предмет включен в образ предмета, свой образ, который формирует ребенок посредством общения со взрослым. Причем, именно возникновение образа предметного действия и «...знаменует собой конец формирования предметного действия» [31, с. 99].

Тем самым нам важно зафиксировать следующее. Если тело может быть только мыслящим телом, иначе оно — не тело вообще, если мыслящее тело — это орудийно-деятельностное, энергичное тело, если

орудие осваивается посредством включения в смысловую ситуацию, в которой ребенок общается со взрослым и осваивает целостно всем существом сначала смыслы и образы, а потом предметы и орудия, если это освоение должно получить телесное живое целостное подтверждение, если освоение предмета тем самым происходит окольным путем — не прямую материальное овладение орудием, а включение его в процесс освоения им смыслового образного поля, то тем самым и телесность, и тело существуют не иначе как такое *событийное энергичное тело*, оно существует как такое событие и переживание, принятое и понятое целостно, всем существом.

Вспомним теперь наш тренд аутсорсинга. Что происходит при таком процессе? Передавая функции орудиям и машинам, высвобождаясь от них, выходим ли мы также и из смыслового поля? Взаимодействие со взрослым может идти и не обязательно с этим орудием. Отказываясь от орудия, мы не должны отказываться от смыслового поля, от игровой мнимой ситуации. Мы убираем и заменяем игрушки. Но не должны убирать Бога игры. А заменяя игрушки все более совершенными техническими изделиями, обогащаем ли мы смысловое поле игры?⁶

А если мы обедняем или вовсе убираем и смысловое поле общения ребенка со взрослым, мы убираем главный движитель игры и предметного действия. Тем самым мы перестаем чувствовать и переживать собственно событийность действия. И тем самым мы исчезаем не только как культурные существа, но мы исчезаем и телесно, поскольку главное в нашей телесности — ее энергичность и событийность, а не физичность. Точнее физичность наша теряет свою душевную органику. Исчезает событийное тело — исчезает любое другое тело, орудийное, деятельностное, энергичное.

Слепоглухонемое умное тело. Случай А.В. Суворова

Это поразительно, но факт. Казалось, что особенного нами было сказано выше в главе об Л.С. Выготском касательно проблем тифлосурдопедагогики? Вроде бы вполне тривиальные и известные вещи. Но надо сказать, что эти уроки из Выготского нами до сих пор не извлечены и не использованы. В целом работа со слепоглухонемыми детьми у нас остается «инвалидной и дефективной» педагогией, как говорил сам Л.С. Выготский, построенной в духе филантропии, заботы и попечения. Такое воспитание готовит инвалидов, оно замораживает вывих и не выводит детей на реальный путь развития. Исключения лишь подтверждают правило. А случай А.В. Суворова, пожалуй, именно тот исключительный случай, а

⁶ Ответ здесь, кстати, давно известен. Специалисты уже давно показали, что развитие игры идет не обязательно по линии усложнения ассортимента игрушек (вместо простого карандаша возьми цветной), а может идти по линии развития смысла (нарисовал себе — нарисуй для мамы). Точнее, здесь идет взаимодействие двух плоскостей и видов деятельности, операционно-технической и мотивационно-смысловой. Но технический прогресс идет по линии орудийной. Он смысловое поле не обогащает, а все более сплюсчивает.

не общее правило. Прецедент, не ставший нормой. Но все по порядку.

Случай А.В. Суворова, и не только его — блестящее подтверждение адекватности культурно-исторической концепции, согласно которой человек буквально строит самого себя как культурное существо. По шагам, по крупницам. И здесь сама терминология носит характер реального строительства, архитектурного конструирования и инженерного дела.

Свой уникальный опыт А.И. Мещеряков описал сам в своей книге [12]. Также свой опыт второго рождения описал и А.В. Суворов [21–27]. А.И. Мещеряков обобщил обучение десятков и сотен воспитанников Загорского детского дома слепоглухонемых, детей из экспериментальной группы Института дефектологии АПН СССР. Обучение было начато еще И.А. Соколянским в 1955 г.. Более массовое групповое обучение было начато с 1963 г. и продолжалось до смерти А.И. Мещерякова в 1974 г..

Что удивляет? После смерти А.И. Мещерякова прошло 40 лет. Но культурно-историческая психология концептуально ни на йоту не продвинулась в деле понимания феномена формирования человеческой психики, построения личности у слепоглухонемых детей. Методологически по сравнению с работами Э.В. Ильенкова, А.И. Мещерякова мы ничего нового не сказали. Были опубликованы работы Л.С. Выготского по дефектологии, работы Э.В. Ильенкова. Но что дальше?

Работы А.И. Мещерякова и Э.В. Ильенкова написаны в 70-е гг.. Работы и дневники Д.Б. Эльконина написаны в те же годы. Они развивали идеи своего учителя Л.С. Выготского, выдвинутые еще в 20–30-е гг.. Но методологически мы дальше и не продвинулись.

Особенно мировоззренческий и методологический дефицит мы испытываем, когда пытаемся понять феномен формирования умного тела в психике слепоглухонемых. Хотя там-то как раз все вопиюще прозрачно.

Саша Суворов, один из знаменитой четверки Э.В. Ильенкова, воспитанников из интерната в Загорске, которых он развивал и воспитывал и которые поступили затем на факультет психологии МГУ, стал доктором наук, специалистом по развитию слепоглухих детей.

Он сам — позднооглохший слепой. Плохое зрение обнаружили на 4-м году жизни, потеря слуха произошла, когда ему было 9 лет. Он из всей четверки оказался самым продвинутым и известным и всей своей жизнью доказывал и показывал верность хода Э.В. Ильенкова и А.И. Мещерякова относительно того, что умное культурное тело личности у человека формируется в совместно-разделенном предметном открытом действии-событии ребенка и взрослого. Своего словаря исследователя А.В. Суворов не создал, фактически идя по стопам Э.В. Ильенкова, говоря его словами и

видя его умо-зрением. Но важно не это. Важно то, что обнаруживается в деталях, которые он сам обнаружил в своих многочисленных работах, дневниках, записях, статьях. Его жизнь — интереснейший дневник наблюдений. По этим деталям и пройдем.

Телетактор-посредник. Слепоглухие дети не пишут в привычном для нормальных смысле. Они осваивают язык и письмо с помощью шрифта Брайля и тактильного языка. Они не выводят на листе бумаги буквы. Они видят пальцами, воспринимают мир всем своим телом, подключая всю свою органику к связям с внешним миром. Сейчас это звучит банально. Но это не банально с точки зрения формирования личностной структуры, тела личности. А.В. Суворов научился распознавать людей, с которыми он общается, например, по запаху и по ладоням. Он фактически формировал в себе новые культурные органы.

Что здесь не тривиально? То, что на вопрос «Что выстраивается взамен привычным орудиям (письму, тексту, знаку) в качестве культурного посредника между слепоглухонемым и зрячеслышащим?», который мы задавали в начале работы, обсуждая феномен ауторсинга, мы фактически получаем более сложный ответ: предметом и орудием для письма и чтения становится сложно организованное орудие, состоящее из руки, шрифта Брайля, тактильного языка, особого дисплея, особой клавиатуры, снабженной шрифтом Брайля.

А.В. Суворов рассказывал, что впервые именно у них в интернате был использован так называемый телетактор, первый в мире прибор, который использовался для общения со слепоглухими, чтобы они могли и сами «слышать-видеть» воспитателя, который им говорит и пишет, и сами они смогли бы ему ответить⁷ [23].

Телетактор был прообразом брайлевского дисплея. Воспитанники Загорского дома познакомились с телетактором задолго до того, как появился брайлевский дисплей. Первые телетакторы появились в Загорске в 1965 г.

Телетактор — это техническое устройство, состоящее из центрального пульта, за которым сидит зрячеслышащий воспитатель, и нескольких рабочих мест для слепоглухих воспитанников. Они могут общаться друг с другом. Пульт представлял собой пишущую машинку, к которой подключена клавиатура, на которой размещены кубики-такторы с шеститочиями Брайля на верхней панели. На рабочих местах воспитанников — тоже клавиатуры со шрифтом Брайля. При нажатии воспитателем той или иной клавиши на центральном пульте у воспитанника выскакивали соответствующие сочетания точек — брайлевские буквы. Передача букв сопровождалась вибрационным сигналом, который воспитанники могли почувствовать всем телом.

⁷ Хотя сам А.В. Суворов убежден, что человек должен уметь и учиться писать рукой. Именно необходимость писать рукой, овладеть навыками письма, пусть и по Брайлю, и формирует у человека необходимую культурную органику. Эта необходимость писать по Брайлю от руки также не отменяет, как необходимость писать от руки для зрячих.

До будущего брайлевского дисплея телектактору было далеко, он был несовершенен, громоздок. Но принципиальная схема была построена. Даже в ситуации слепоглухоты и немоты можно построить особое устройство-посредник, формирующее не только коммуникацию, но и развивающее и формирующее необходимые способности.

Более того. Освоив печать и переписку на версабрайле, А.В. Суворов далее освоил и обычную печатную машинку для зрячих и далее — компьютер⁸. Известно, что зрячие машинистки печатают вслепую, запоминая, какая клавиша где находится. Принцип тот же. И затем А.В. Суворов и вовсе смог освоить компьютер при помощи приставки «Брайльбокс».

Итак, проблема развития заключается не только и не столько в смене орудийного набора, верстака. Это то же самое, как и в детской игре происходит смена набора игрушек. Можно поиграть с одной игрушкой, потом с другой. А можно вообще играть в чисто символическом пространстве, с ролями и смыслами, поскольку главное в игре — смысловое поле игры. Поэтому для работы со слепоглухим ребенком важно было построить путь, коммуникацию, создав адекватные средства этой коммуникации, обеспечивающие контакт со взрослым. А пишет при этом ребенок или не пишет, как зрячий, это уже не важно. Важно обеспечить контакт и построить совместное предметное действие.

Именно здесь кроется и серьезная социальная проблема. Мало того, что многие слепоглухонемые дети просто изначально асоциальны и нужно много времени, терпения, сил потратить, чтобы оснастить, сформировать у них новые органы-чувства, новые способности с помощью специальных устройств и специально организованной предметной деятельности. Нужно еще сделать так, чтобы по окончании школы-интерната эти воспитанники были социальны, смогли жить и полноценно существовать среди зрячеслышащих, быть такими же нормальными и дееспособными.

Более того. Большинство из них лишены возможности приобретать дорогостоящие специальные устройства (как смог себе позволить А.В. Суворов иметь современный брайлевский компьютер и другие устройства), иметь хорошую брайлевскую библиотеку. И главное — они все нуждаются в особой среде общения, в которой они были бы приняты, где к ним относились бы как к нормальным и полноценным людям, а не как к неполноценным инвалидам.

И здесь мы выходим за рамки нашей работы в область серьезных государственных социальных программ развития и поддержки слепоглухонемых детей и взрослых, которых в стране тысячи.

Умная рука. А.В. Суворов не видел лиц, не видел тел. Но его глазами стали его руки: «Рука бывает задумчивая, грустная, усталая, спокойная, нетерпе-

ливая. Бывает хмурая и ясная. Вот она потихоньку высвобождается из моей руки — дай отдохнуть, подумать, подумай, не приставай. А вот резко вырывается из моей руки — чем-то обидел, рассердил. Рука может кричать на меня — очень резкие, «злые» движения. Но вот гроза прошла и рука доверчиво ложится ладонью в мою ладонь — прости, бес попутал. Не бери плохого в голову, все хорошо...» [25].

А.В. Суворов фактически открыл для себя естественным путем тот же язык тела, который знают актеры театра, пантомимы, психотерапевты — специалисты по телесной терапии и все те, кто чувствует и читает язык тела. Но дело как раз в том, что слепоглухонемой и не видит никогда тел, в отличие от зрячеслышащих. И тогда он вынужден формировать на пальцах новые органы зрения: «У рук своя интонация. Без кавычек — тон, тонус. Кто-то пишет по ладони (или дактилирует, т. е. говорит посредством пальцевого — дактильного — алфавита) уверенно, энергично, с крейсерской скоростью — быстро, но как раз так, чтобы успеть понять. Кто-то очень медленно выводит на ладони каждую букву, боится быстрее — вдруг я его не пойму. Подбадриваю. Кто-то еле-еле касается моей кожи — пишет почти в воздухе, понять невозможно. Стесняется давить на кожу, вдруг причинит неприятные ощущения... Подбадриваю. Вот начал давить, вдавливать пишущий палец мне в кожу, или дактильно — напружинил пальцы, каждая буква словно выстреливает...» [25].

У слепоглухих тоже есть свой почерк. И свой способ ориентации, установления контактов, понимания, приятия и неприятия. Просто почерк этот формируется с помощью своих особых средств: «...на мою кожу, когда пишете по ладони, прошу нажимать! Пальцем, длинным ногтем, непишущим концом авторучки либо карандаша. Иногда к моей коже почти не прикасаются, пишут почти в воздухе, и попробуй тут хоть что-то понять... Точно так же, ради разборчивости дактильной речи, пальцы должны пружинить. Всю руку надо напрягать, держать кистью вверх, а не вниз, как дохлую змею. Пускай «змея» стоит на хвосте. То есть локоть внизу, кисть — вверх. Ни в коем случае не наоборот. Иначе мне придется выворачивать мою «слушающую» руку, что страшно утомляет. И, повторяю, пальцы должны пружинить! Каждой буквой надо как бы «выстреливать». Все комбинации пальцев должны быть чистыми, а не лишь намекающими нужное. Если пальцы в букве должны быть прямыми — их и надо выпрямлять, а не оставлять полусогнутыми, как часто бывает. Иначе общение превращается в пытку» [25].

Кроме того, что слепоглухой компенсирует сенсорный дефицит с помощью дактильного языка и телесного контакта, он фактически имеет этот телесный канал в качестве единственного. И тогда тело, все целиком, целостно, целокупно, действительно становит-

⁸ А.В. Суворов писал, что освоение обычной пишущей машинки для зрячих сделало его в свое время «зрячим». Сначала он писал тексты с помощью Брайля, затем перепечатывал их на пишущей машинке. Освоив же клавиатуру на машинке, он смог быстро освоить и клавиатуру на компьютере.

ся органом коммуникации и всей жизнедеятельности. От того, насколько цельно, целостно, сформировано твое культурное личностное тело, выступающее органом бытия, зависит вообще твое место в этом мире. Если оно не доделано, не слеплено, не сформировано (что воплощается в том числе и во вполне элементарных вещах, например, в уровне грамотности на языке Брайля или дактильного алфавита), то ты становишься культурным инвалидом. Ты реально не слышишь и не видишь мир, не ловишь никаких сигналов, не можешь прочитать никакое послание и не сможешь сформировать отклик в ответ другому.

К каким же методологическим выводам пришел его учитель А.И. Мещеряков, друг и соратник Э.В. Ильенкова? И может ли он помочь нам своими методологическими выводами, сделанными еще 40 лет назад? Помочь нам, переживающим некий аутсорсинг, тренд отказа человека от своего тела? Воспитанники из Загорска своим примером показали, что суть и смысл культурного развития человека заключается в строительстве тела личности посредством совместно-распределенной деятельности со взрослыми, посредством разнообразной социальной деятельности или деятельности по социализации слепоглухонемого ребенка. Чудес здесь не бывает. Но такое ощущение, что практика, личный опыт А.В. Суворова и других воспитанников интерната гораздо богаче, чем его собственные объяснения. Его словарь беден на фоне того удивительного опыта, который проделан и описан на многочисленных страницах работ А.И. Мещерякова, Э.В. Ильенкова, самого А.В. Суворова. В своем опыте А.В. Суворов больше самого себя, описывающего свой опыт.

Что касается проблематики личностной телесности, то здесь, видимо, и у А.И. Мещерякова, и у Э.В. Ильенкова не хватало словаря. Э.В. Ильенкову достаточно было ввести принцип деятельности, чтобы говорить о процессе мышления (мышление мыс-

лит, а не мозг; в мозгу ничего нет, его физиология нам ничего не даст для объяснения природы мышления). Э.В. Ильенкову было достаточно деятельностной концепции К. Маркса, идей о социальной, деятельностной природе человека, о том, что человек есть ансамбль общественных отношений. И далее — поразному и в разных вариациях обсуждается и пересказывается фактически этот базовый тезис.

Но при этом он не выходил на ключевую для нас проблему — что есть тело личности, отличное от первого натурального тела? Идея неорганического тела у Ильенкова оставалась большей частью метафорой, предметно не достроенной.

Получилось ли что-то у Мещерякова? Удалось ли ему продвинуться в этом направлении? Поскольку ведь перед ним стояла задача не просто объяснить природу становления человеческого в человеке предметной деятельностью, но и показать то, как лепится культурное тело человека, поскольку первое тело слепоглухонемого ребенка было фактически «куском мяса».

И нам это важно именно потому, что если мы полагаем, что человеку современному уже не обязательно писать, рисовать, лепить, вступать в телесный контакт с другим, строить, считать, читать, запоминать, если он может все это разнообразие предметной деятельности отдавать машине в аутсорсинг, то что остается ему и что происходит с ним, с его личностной телесностью? Что происходит с его глазами, ушами, руками, всем телом — т. е. что и как он видит, слышит, чувствует, понимает? Не происходит ли тем самым обратный метаморфоз: попадая в ситуацию аутсорсинга, человек постепенно вновь становится ничего не умеющим, не видящим, не слышащим немым существом? Только при этом обвешанным разным рода гаджетами и дивайсами, без которых он реально ничего не умеет, он не может без них и шагу шагнуть, он растерян в мире техносферы.

Или мы чего-то главного не понимаем?

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-03087 «Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека»).

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Проблема сознания. М.: Педагогика, 1982. С. 156–167.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Проблема развития в структурной психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 238–290.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак в развитии ребенка. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.
4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. История развития высших психических функций. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328.
5. *Выготский Л.С.* Проблемы дефектологии / Сост., авт. вступ. ст. и библиогр. Т.М. Лифанова; авт. коммент. М.А. Степанова. М.: Просвещение, 1995. 527 с.
6. *Зинченко В.П.* От классической к органической психологии. М., 1996. 80 с.
7. *Зинченко В.П.* Гипотеза о происхождении учения А.А. Ухтомского о доминанте // Человек. 2000. № 3. С. 5–20.
8. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
9. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
10. *Майданский А.О.* «деятельностной стороне» учения Спинозы. // Логос. 2007. № 2 (59). С. 201–212.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 42. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
12. *Мещеряков А.И.* Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974. 274 с.
13. *Палласмаа Ю.* Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2013. 176 с.

14. Смирнов С.А. Культурный возраст человека. Философское введение в психологию развития. Новосибирск: Офсет, 2001. 261 с.
15. Смирнов С.А. Фармацевтика антропологических трендов. Антропологический форсайт // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 88–104.
16. Смирнов С.А. Новые идентичности человека: анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт // Вестник НГУЭУ. 2013. № 1. С. 216–241.
17. Смирнов С.А. Идея произведения в работах М. Хайдеггера и П.А. Флоренского // Культура и искусство. 2014. № 3. С. 336–348. doi: 10.7256/2222-1956.2014.3.12530
18. Смирнов С.А. Структура акта автопоэзиса. Опыт поэтической антропологии. // Культура и искусство. 2014. № 2. С. 171–182. doi: 10.7256/2222-1956.2014.2.12162
19. Смирнов С.А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода. Новосибирск: Офсет, 2010. 492 с.
20. Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков; Изд-во «Фолио», 1998. 864 с.
21. Суворов А.В. Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1994.
22. Суворов А.В. Экспериментальная философия: сб. статей. М.: Изд-во УРАО, 1998. 244 с.
23. Суворов А.В. Телетактор — прообраз брайлеровского дисплея [Электронный ресурс] М.: 2011. URL: http://suvorov.reability.ru/r_blind.html (дата обращения: 09.07.2015).
24. Суворов А.В. Два варианта читательского становления в условиях слепоглухоты [Электронный ресурс]. URL: http://suvorov.reability.ru/r_blind.html (дата обращения: 09.07.2015).
25. Суворов А.В. Невербальная ориентировка. URL: <http://suvorov.reability.ru/epub/neverb.html> (дата обращения: 09.07.2015).
26. Суворов А.В. Образ формируется раньше действия. URL: http://suvorov.reability.ru/r_blind.html (дата обращения: 09.07.2015).
27. Суворов А.В. Теоретическая матрешка: одиннадцать деталей для тифлосурдопедического конструктора. URL: http://suvorov.reability.ru/r_blind.html (дата обращения: 09.07.2015).
28. Ухтомский А.А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978.
29. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
30. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
31. Эльконин Д.Б. Психическое развитие детских возрастов: Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна; вступ. статья Д.И. Фельдштейна. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 416 с. (Серия «Психологи Отечества»).
32. Эльконин Б.Д. Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: ERGO, 2010. 280 с.
33. Эльконин Б.Д. Событие действия (заметки о развитии предметных действий II). // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 11–19.
34. Bostrom N.A. History of transhumanist thought [Электронный ресурс] // Journal of Evolution and Technology. 2005. № 14 (1). URL: <http://www.jetpress.org/volume14/bostrom.pdf> (дата обращения: 09.07.2015).

Smart Body or the Problem of Human Corporeality Development in the Context of Outsourced Life. Paper Two.

S.A. Smirnov*,

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia,
smirnoff1955@yandex.ru

This paper continues to explore the problem of formation of non-organic body of personality touched upon in the previous part. The author shows how this problem is addressed in the works of E.V. Ilyenkov, B. Spinoza and L.S. Vygotsky and, in particular, in the works of D.B. Elkonin and B.D. Elkonin who introduced the concepts of 'mediatory action' and 'event of action', crucial for the understanding of personality construction. In the final part of the paper the author reviews the practices of blind, deaf and dumb pedagogy as the phenomenon of cultural development and cultural corporeality. Working with blind, deaf and dumb children proves the correctness of the cultural-historical concept aimed at tool/activity-based character of personality structure formation that may well be described in terms of smart corporeality. Without such practices of exploration and acquisition of his/her own behavior the individual becomes a functionally disabled person. Thus the author considers the practice of cultural development an anthropological alternative to the trend of outsourcing that implies the individual's rejection of his/her basic cultural functions and practices. And this alternative acts as a response to the challenge of the increasing cultural, functional and personal disabilities.

Keywords: smart body, non-organic body, personality, functional organ, life outsourcing.

Funding

The research was conducted with the assistance of the Russian Science Foundation (project №14-18-03087 "Designing Non-classical Anthropology. New Human Ontology").

References

1. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Problema soznaniya [Collected Works: in 6 vol. vol 1 The problem of conscience]*. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 156–167.
2. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. Problema razvitiya v strukturnoi psikhologii [Collected Works in 6 vol. vol. 1 The problem of development in structural psychology]*. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 238–290.
3. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6. Orudie i znak v razvitiu rebenka [Collected Works in 6 vol. vol. 6 The Tool and sign in child development]*. Moscow: Pedagogika, 1984, pp. 5–90.
4. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 3. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [Collected Works in 6 vol. vol. 3. The history of development high psychological function]*. Moscow: Pedagogika, 1983, pp. 5–328.
5. Vygotskii L.S. *Problemy defektologii [The problem of defectology]*. Sost., avt. vstup. st. i bibliogr. T.M. Lifanova; avt. komment. M.A. Stepanova Moscow: Prosveshchenie, 1995. 527 p.
6. Zinchenko V.P. *Ot klassicheskoi k organicheskoi psikhologii [From classic to organic psychology]*. Moscow, 1996. 80 p.
7. Zinchenko V.P. *Gipoteza o proiskhozhdenii ucheniya A.A. Ukhtomskogo o dominante [The gypotesis about Uhtomskiy concept's genesis dominant]*. *Chelovek [Human Being]*, 2000, no. 3, pp. 5–20. (In Russ., abstr. In Engl.).
8. Il'enkov E.V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii [The dialectical logic. Essay of history and theory of dialectical logic]*. Izd. 2-e. Moscow: Politizdat, 1984. 320 p.
9. Il'enkov E.V. *Filosofiya i kul'tura [The philosophy and culture]*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p.
10. Maidanskii A. *O "deyatelnostnoi storone" ucheniya Spinozy [About active side of Spinoza concept]*. *Logos [Logos]*, 2007, no. 2(59), pp. 201–212. (In Russ., abstr. In Engl.).
11. Marks K., Engel's F. *Sochineniya. T. 42. Ekonomicheskofilosofskie rukopisi 1844 g. [The Works. The economical-philosophical manuscripts 1844]*. Moscow: Politizdat, 1974, pp. 41–174.
12. Meshcheryakov A.I. *Slepoglukhonemye deti. Razvitie psikhiki v protsesse formirovaniya povedeniya [Deaf-blind children. Development of the psyche in the process of behavior formation]*. Moscow: Pedagogika, 1974. 274 p.
13. Pallasmaa Yu. *Myslyashchaya ruka: arkhitektura i ekzistentsial'naya mudrost' bytiya [The thinking hand: existential and embodied wisdom in architecture]*. Moscow: Publ. "Klassika XXI", 2013. 176 p. (In Russ.)
14. Smirnov S.A. *Kul'turnyi vozrast cheloveka. Filosofskoe vvedenie v psikhologiyu razvitiya [The cultural age of man. The philosophical introduction to psychology of development]*. Novosibirsk: Ofset, 2001. 261 p.
15. Smirnov S.A. *Farmatsevtika antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii forsait [The pharmaceuticals of anthropological trends. The anthropological foresight]*. *Vest-*

For citation:

Smirnov S.A. Smart Body or the Problem of Human Corporeality Development in the Context of Outsourced Life. Paper Two. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 100–112. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120410

* Smirnov Sergei Alevtinovich, PhD in Philosophy, head of the Laboratory of Strategic and Foresight Research and Development, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, smirnoff1955@yandex.ru

- nik NGUEU [*Bulletin of NSUEM*], 2012, no. 1, pp. 88–104. (In Russ., abstr. In Engl.).
16. Smirnov S.A. Novye identichnosti cheloveka: analiz i prognoz antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii for-sait [The new identities of man: the analysis and prognosis of anthropological trends]. *Vestnik NGUEU [Bulletin of NSUEM]*, 2013, no. 1, pp. 216–241. (In Russ., abstr. In Engl.).
17. Smirnov S.A. Ideya proizvedeniya v rabotakh M. Khaiddeggera i P.A. Florenskogo [The idea of creature in the works of M. Heidegger and P.A. Florensky]. *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]*, 2014, no. 3, pp. 336–348. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.3.12530.
18. Smirnov S.A. Struktura akta avtopoezisa. Opyt poeticheskoi antropologii. antropologii [The structure of the autopoiesis act. The poetic anthropology experience]. *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]*, 2014, no. 2, pp. 171–182. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.12162.
19. Smirnov S.A. Chertov most. Vvedenie v antropologiyu perekhoda. perekhoda [Devil's Bridge. Introduction to Anthropology transition]. Novosibirsk: Ofset, 2010. 492 p.
20. Spinoza B. Ob usovershenstvovanii razuma: Sochineniya [About improvement of mind. The Writings]. Moscow: "Publ. EKSMO-Press", Khar'kov; Publ. "Folio", 1998. 864 p. (In Russ.).
21. Suvorov A.V. Samorazvitie lichnosti v ekstremal'noi situatsii slepoglukhoty: Avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. [Personal development in an emergency situation deafblindness. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1994.
22. Suvorov A.V. Eksperimental'naya filosofiya [The experimental philosophy]. Moscow: Publ. URAO, 1998. 244 p.
23. Suvorov A.V. Teletaktor — proobraz brailеровского displeya [Elektronnyi resurs] [Teletaktor — the prototype of the Braille display]. Moscow, 2011. URL: http://suvorov.reability.ru/r_blind.html (Accessed 09.07.2015).
24. Suvorov A.V. Dva varianta chitatel'skogo stanovleniya v usloviyakh slepoglukhoty [Elektronnyi resurs] [Two variants of the reader's formation in conditions of deafblindness]. URL: http://suvorov.reability.ru/r_blind.html (Accessed 09.07.2015).
25. Suvorov A.V. Neverbal'naya orientirovka [Elektronnyi resurs] [Nonverbal orientation]. URL: <http://suvorov.reability.ru/epub/neverb.html> (Accessed 09.07.2015).
26. Suvorov A.V. Obraz formiruetsya ran'she deistviya [Elektronnyi resurs] [The image is formed before the action]. URL: http://suvorov.reability.ru/r_blind.html (Accessed 09.07.2015).
27. Suvorov A.V. Teoreticheskaya matreshka: odinnadtsat' detalei dlya tiflosurdopedicheskogo konstruktora. [Elektronnyi resurs] [Theoretical matryoshka: eleven parts for tiflosurdopedical designer]. URL: http://suvorov.reability.ru/r_blind.html (Accessed 09.07.2015).
28. Ukhtomskii A.A. Izbrannye trudy [The selected writings]. Leningrad: Nauka, 1978.
29. Khoruzhii S.S. Ocherki sinergiinoi antropologii [Studies in synergetic anthropology]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005. 408 p.
30. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [The selected psychological writings]. Moscow: Pedagogika, 1989.
31. El'konin D.B. Psikhicheskoe razvitie v detskikh vozrastakh [The psychological development in child's ages]. Moscow, 1995. 416 p.
32. El'konin B.D. Oposredstvovanie. Deistvie. Razvitie [The mediation. The action. The development]. Izhevsk: ERGO, 2010. 280 p.
33. El'konin B.D. Sobytie deistviya (zametki o razvitii predmetnykh deistvii II) [The event action. The notes on the development of object-related actions]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2014, no. 1, pp. 11–19. (In Russ., abstr. In Engl.).
34. Bostrom N. A History of transhumanist thought. *Journal of Evolution and Technology*. 2005. № 14(1). URL: <http://www.jetpress.org/volume14/bostrom.pdf>. (Accessed 09.07.2015).